

До тех границ российская душа «христианка», до которых государство дозволяет

Что есть милосердие, почему оно вредно стабильности и
как сострадание приводит к страданию

Иллюстрация: Петр Сарухонов / «Новая газета»

13:28, 1 июня 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Милосердие — это чувство симпатии к тому, кто находится в плачевном, слабом положении. К тому, кто в «гонении» от людей или от судьбы. Пушкинская «милость к падшим».

Может ли милосердие быть явлением социальным, массово встречающимся? В общем-то, да. Ведь если это симпатия, то симпатии порой бывают весьма массовыми: к своей сборной команде на чемпионате, к своей побеждающей армии, к своему авторитетному правителю, наконец.

Встречается ли милосердие в Российской Федерации как массовое явление? Очевидно, нет. В большинстве своем российские люди не знают симпатии к слабым и уязвимым. К тем, кто претерпевает бедствия. Это очевидно и по историческим хроникам, и по дням сегодняшним. Скорее, напротив. На того, кто находится в бедственном положении, смотрят примерно так, как на неизлечимо больного или же как на вызывающе некрасивого человека, — стараются не замечать. Так, словно через внимание, ему уделенное, — можно «заразиться» его бедственностью и «гонимостью».

Даже в те времена, когда человеческие страдания катятся и нарастают, будто огромный снежный ком, российские люди не хотят замечать известий о жертвах, о несправедных судах и об униженной свободе.

Не желая смотреть и думать о страданиях, что тем самым хотят сохранить российские люди в большинстве своем?

Безопасность. Стабильность. Чтобы все было понятно, как. Без неизвестного, без тревожного. День как день, ночь как ночь.

В общем, милосердия российские люди не знают не от того, что

злы, а от того, что понятность и стабильность желаннее. Однако на этом не все. У стабильности есть своя цена. А ценой служит полная лояльность той силе, что обеспечит желаемое. На месте же этой силы российские люди уже много веков видят не метафизического Бога и не свой внутренний моральный закон, а бога вполне материального, плотного, — государство. И не вполне понятно, почему так: или российское государство так безоговорочно сильно, или российские люди ничто, кроме государства, за силу не считают.

Так или иначе, но в российском сознании выстраивается примерно следующая логическая цепочка. Тот, кто силен — стабильнее того, кто слаб. Тот, кто претерпевает бедствия — слаб, а кто сам способен быть причиной бедствиям — очевидно, силен.

Кто силен, тот и есть опора в стабильности. И нет никого, кто был бы сильнее государевой власти.

Которая к тому же столько раз доказывала, что она, как никто другой, способна насыпать бедствия на людские головы.

Что же до тех, кто слаб и гоним, — те как будто чужие, из другого мира. Из непонятного и неприятного мира. Они из стабильности выпали, откололись. Не повезло, или же сами пошли, куда не надо было. А значит, таких замечать, да еще и симпатию испытывать — это против стабильности. Против того порядка, в котором все понятно и к которому уже привычка есть.

***

Все это, конечно же, не значит, что нет места милосердию и

состраданию в российских людях. Нет-нет да и встречаются те, в ком «милость к падшим» живо отзывается. Душа ведь человеческая, как говорил святой Августин, по природе своей «христианка». Вот только весьма часто до тех границ российская душа «христианка», до которых государство позволяет. Широки границы, да, — и к детям, и к птицам, и к растениям — ко всем милосердие являть можно. Но если же речь пойдет о тех, кто государству и слугам его неуютен, — здесь душа российская милосердие заметно сдерживает, а то и совсем на нет сводит. И хоть города с лица земли прочь, хоть гугаги или новая опричнина — а российский человек будет ходить себе так, словно ничего. День как день, ночь как ночь.

И государство российское, как тот внимательный ночной сторож, тоже не дремлет. И как только кто замечен станет в неуместной «милости» и сострадании к неуютным — к тому оно со своим арсеналом страданий приходит.

За сострадание — получите и распишитесь — страдание.

Возможно, первый, кто на себе это испытал, был Александр Радищев. «Огляделся я окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала», — так начал он свое «Путешествие из Петербурга в Москву». А получил за это от государства смертный приговор с таким пояснением: *«За преступление присяги и должности подданного посредством издания книги, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение...»*

Казнь заменили на ссылку и каторгу, но свою тенденцию российское государство обозначило вполне недвусмысленно: меру христианскому милосердию оно назначает само и

чрезмерного не потерпит.

***

Может ли человек в Российской Федерации быть милосердным не по одобренному властями образцу, а по собственному разумению и чувству? Конечно же, может. Такими людьми никогда не оскудевала российская сторона. Собственно, о них говорилось и вокруг них собиралось всегда все самое в российской стороне интересное, по смыслу значимое. Но и прежде, и теперь эти люди состояли и состоят в группе риска. Поскольку милосердие — это не про лояльность. И уж точно не про стабильность.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Духу Кремль не интересен](#)

Этот режим — не наследник советского, пусть никого не обманывает форма и забытые практики. О времени отказа от перемен и прогресса

10:20, 17 мая 2024, Роман Шамолин